

Ирина Фингерова

Рассказы не о любви

И этот изменит

Лизе изменяли все.

Оба мужа, мать (с младшим братом), научный руководитель и даже тонконогий паук перебирался на другую сторону, если она делила с кем-то кровать.

Каждый раз, когда уже утром Лиза насыпала три ложки молотого кофе в турку, она смотрела на синеватое пламя, конформно упакованное в конфорку, и думала, что ничего не выйдет.

На детском стульчике сидел бородатый мужчина.

Лиза предпочитала высоких и бородатых. Стулья не покупала принципиально. Ее кухня – ее правила. Ей нравилось, как борода щекочет лобок. Нравилось, как бумажная люстра в гостиной издает глухой звук при столкновении с головой. Потолки у Лизы были низкие. Крышка от унитаза не поднималась. Она специально заказала на «Алиэкспресс» защиту от детей. Ремешок на клейкой ленте перехватывал ободок унитаза. Только защищала она себя. Холодильник у Лизы был большой. Пришлось отпилить половину бензопилой «Дружба», доставшейся от отца. Единственное проявление дружеского чувства на ее памяти – скупая строчка в завещании. Лизе – пила и бабушкино зеркало, Коле (младшенькому!) – однокомнатная квартира. Морозилки не было, но Лизе она и не была нужна. Мясо она не ела, была вегетарианкой, рыба напоминала ей о мальчике из детства, в которого она была влюблена. Немой и такой скуластый, что порезаться можно было. Он куда-то исчез, и в этот же день мама Лизы принесла с базара еще живую рыбу. Лиза не знала, что рыбе приходится умирать, для того чтоб они могли ее съесть, а когда уз-

нала, то заплакала. Она плакала так долго, что пришлось поселить рыбу в ванной и три дня не мыть ноги. Потом рыба умерла, мальчик так и не вернулся, его родители тоже, а Лизка зареклась есть рыбу.

Вчера она привела домой Володю. Они работали вместе в айти-компании уже несколько лет, и Лиза иногда на него поглядывала: статный, бородатый, любит Достоевского и комиксы Марвел, но сам вялый какой-то, как будто у него не стоит на жизнь. Володя трижды приглашал Лизу выпить после работы, но она отказывалась. Вчера все было иначе, он сказал, что собирается сбрить бороду.

– Я думала, ты из религиозных, – сказала Лиза.

– Будку с фалафелем перенесли, – сказал он, – теперь возле синагоги на Осипова караоке, а я не пою.

– Странный ты, – рассмеялась Лиза.

А сама подумала: нужно успеть, пока бороду не сбрил.

Так они оказались в дельфинарии. На первом этаже выли голодные дельфины, на последнем – кололи лед для фирменной голубой лагуны. После водки стало хорошо.

– Я дважды разведена, – сказала Лиза.

– А у меня фимоз, – Володя достал руками апельсин из коктейля, – первой степени! – прибавил он после затянувшейся паузы.

Лизка его поцеловала в апельсиновые губы. На вкус как масло, плавающее в соке. Поцелуй вышел слишком мокрым.

Через два часа Володя оказался в узком коридоре, заставленном коробками из-под обуви.

– В них живут мои обиды, – сказала Лиза, – два свадебных платья, бесплатный сахар из дешевых гостиниц, открытки от мамы.

Володя промолчал. Он был занят рассматриванием кружевного узора из черной плесени на стене. Достал из рюкзака уксус и какую-то тряпку, намотал на швабру, валяющуюся в углу. Включил свет. Плесень поморщилась, Лиза тоже, она уже начала стягивать кофту через голову, но остановилась. Володя не торопился. Он тщательно обрабатывал каждый сантиметр стены.

Лиза решила заварить чай. Чашка была только одна – ее, воспользовалась новеньким вазоном, в который собиралась пересадить кактус.

Володя достал из рюкзака халу.

– Сам испек, – отломал кусок Лизе.

И пошел на кухню.

Они курили в окно до поздней ночи, а в перерывах между за-тяжками Володя что-то чинил. То дверные петли смажет, то о том, как бабушку через дорогу перевел, расскажет. Стало у Лизы тепло.

Когда они вошли в спальню, Володя молча лег на кровать. Лиза тоже молча легла рядом. Они соприкасались носками. Ниче-го не получилось, кроме сна.

Сон удался на славу.

Потянувшись, Лиза предложила Володе кофе, и он согласился.

Днем она обнаружила, что в доме появился еще один стул.

Вечером Володя решил выбросить мусор и вернулся с мешком цемента.

Ночью снес соседские стены к чертям собачьим и расширил квартиру.

Утро не наступало долго.

Они успели вынести половину Лизиних коробок из-под обуви в коридор и принести с десятков Володиных. Съездить в Европу, засушить тюльпаны, сорванные в Вальдштейнском саду в Праге, привыкнуть к запаху друг друга и отвыкнуть от собственного, а у Володи даже снова отросла борода, которую он сбрил где-то между полночью и полуднем.

Но все равно наступило.

Володя и Лиза решили пожениться.

Расписались по-тихому, вместо разбитых бокалов потоптались по надеждам своих ворчащих мам и без всяких церемоний улетели в Испанию. Горячий тур. Футболки с надписью «То, что случается в Йорет-де-Мар, остается в Йорет-де-Мар». Кальмары, креветки, осьминоги, холодное белое вино. Поездка в Фигерас в музей Сальвадора Дали. Два пьяных шведа в номере по соседству, которые уго-варивали научить играть в дурака. Остывший за ночь песок и кофе, большая подстилка, на которой так удобно соприкоснуться носками (оба не любили засыпать без носков). Гудящие от туристов узкие улочки, фреш из спелых плодов манго, татуировки хной, плетеные косички, ботанический сад, скульптура Дона де Маринера.

Жена, ждущая рыбака домой.

«И почему женщины всегда ждут мужчин? – подумалось Лизе. – Почему вечно боятся, что те уйдут? Разве что с Володькой будет

не так, у него фимоз, ему не так-то просто пойти на сближение, я ему доверяю».

Они как раз заказывали паэлью с лимской фасолью и каракатицей в ресторане на берегу моря, когда Володя спросил на ломаном испанском: «¿Y dónde está el baño?».*

Лиза захихикала. Они только вчера купили разговорник, а уже выдает!

На столе остался лежать его телефон.

Сама толком не понимая, зачем она это делает, Лиза взяла его в руки. Зыркнула на дверь туалета. Молчит. Не осуждает.

Пролистала несколько последних переписок в мессенджере, вотсапе, вайбере, телеграме, заглянула в журнал звонков. Он почти ни с кем не общается – несколько коллег по работе, сестра, мама, подруга с ожирением третьей степени, тренер по настольному теннису, сантехник.

«Все хорошо», – выдохнула она без облегчения.

Теперь она знала точно – и этот изменит.

Потому что внутри у нее поселился страх.

Потому что теперь она не сможет унять компульсивное желание проверять его телефон или карманы.

Потому что он это почувствует, хоть и ничего не скажет.

Потому что черной плесени все равно, сколько ни поливай ее уксусом, надо переезжать, а куда она от себя переедет?

Разве что... Не играть в эту игру.

– Я только что рылась по твоим перепискам, – сказала Лизка, когда Володя вернулся из туалета.

Тренер по йоге

Ленка приехала в Майсен из Баутцена. Из одной жопы мира в другую. Целлюлита на жопе не было, брусчатка равномерно уложена, вместо родимых пятен – завод по производству фарфора и музей в тюрьме. Приехала к мужчине. Закрыла йога-центр, в котором по вторникам и четвергам вела йогу, а по средам и пятницам составляла гороскопы и рисовала мандалы. Мужчина был

* Где я могу помыть руки?

осанистый, с большими усами (напоминал ей Кларка Гейбла из «Унесенных ветром») и большими амбициями. Ленкина мама тут же спросила: «Сантехник?». Лена объяснила: у него свое бюро по замене водопроводных кранов. Завтракал он кофе и томиком Шиллера, обедал стейком средней прожарки, а ужинал просекко с клубникой. Учил Ленку красивой жизни. Не мог заснуть, если в его кровати был кто-то чужой, поэтому просил Ленку спать на коврике для йоги. Ленка была не против. Самый здоровый вариант для спины. Когда он предложил ей купить дом по соседству, Ленка не сомневалась. Он получал процент от сделки, она – серьезные отношения. В Баутцен все равно постоянно моталась – была совладелицей русского магазина. Там и познакомились. Он еще не успел пельмени купить, а она уже мысленно наварила целую гору, наложила на тарелку и накормила из ложечки. Вместо сдачи дала ему номер. Он позвонил. Виделись регулярно. Ленке уже было под пятьдесят. Два неудачных брака. Страшно хотелось заниматься сексом, пока тело еще в форме. Выглядела Ленка хорошо, эффектно. Тренер по йоге, диетолог, истеричка. Все в ее жизни способствовало поддержанию нормального веса. Сразу переселиться не смогла, нужно было ехать на свадьбу к дочери, в другой конец Германии. Условились с Гансом, что будут писать друг другу письма, настоящие, чтоб с запахом, чтоб с потом... Ленка написала двадцать одно письмо, Ганс – три. Она все понимала, он тяжело работал. Приехать решила чуть раньше срока, сделать ему сюрприз. Ганс не был рад. Ленка была в ужасе. Из спортивного рюкзака выглядывала ручка новенькой сковородки. Хотела нажарить Гансу сырничков... Ленке стоило больших усилий не обрушить сковородку на голову миловидной блондинки, стряпающей на кухне суп. С виду – вылитая она, Ленка. Только немецкого разлива.

– Я Аннет, – представилась она. – Ты его бывшая подруга?

Ленка пулей вылетела из дома Ганса. Пошла к себе. Отремонтировать успели только кухню, на заднем дворе толпились развороченные коробки из «Икеи», как битые яйца в пакете. Села прямо на траву, обхватила голову руками и заплакала. Плакала долго, потом надоело.

Аннет оказалась медсестрой, соседкой. Пришла на следующий день. С яблочным пирогом. Оказалось, что они с Гансом уже около

года вместе. Иногда спят, иногда ездят к морю. Он ей и ее детям дважды отпуск оплатил. С отцом не повезло, жмот.

Ленка была в ужасе. Неужели параллельно? Аннет была на два года младше. Сорок восемь. Младшей дочке шесть, старшему – двенадцать. Стала захаживать. То вина принесет, то книжку «Как справиться с болезненным разрывом», то фотографию покажет, как они с Гансом в постели лежат, голые.

А однажды и сам он пришел. Постучал робко, попросил вернуться, плакал даже. Ленка его приняла и сама, не будь душой, Аннет фотографию отправила. Ганс спал, Ленка надула на камеру губы и опустила бретельку шелковой ночнушки.

Когда Ганс узнал, что Ленка отправила фотографии Аннет, то страшно рассердился, унес обратно цветы, которые подарил, и демонстративно споткнулся о Ленкин любимый зонтик, брякнув, что «это пошло в ее возрасте, с Микки Маусом шастать».

Уже вечером Ленка и Аннет сидели на кухне, пили водку, закусывали соленым огурчиком (Ленка хозяйственная была, имела запасы) и хихикали над тем, какие у Ганса странные гениталии.

Дружили около месяца. Ленка знала все о жизни Аннет, о камнях в почке, о невосприимчивости к лактозе, о боязни климакса, о том, что дочка у мужа живет неделю, а неделю у нее, и что они бы и сойтись не прочь, да старые обиды мешают. Гуляла от него Аннет, не хотелось ей с ним, а он не понимал, не старался, только сына ее от первого брака постоянно называл слюнтяем и пытался накачать пивом. Хотел подружиться, но не вышло, сына Аннет любила, хоть и приговаривала вполголоса: «Сложный он, книги любит». Аннет и сама была бы рада не гулять, но по вечерам становилось тошно. Ленка знала, что Аннет безразлична к деньгам, но только если их зарабатывает кто-то другой, а она тратит, знала, что у мужа неплохой дом, стоматолог все-таки, и детскую он для дочки сделал своими руками, знала, что они оба любят Вуди Аллена и крафтовое пиво и что созваниваются каждый день, несмотря на то, что давно разъехались. Знала, что Аннет дочку подговаривает папу обрабатывать. Рассказывать, что по вечерам мама фотографию его целует, а потом произносит молитву и идет спать. Ленка сочувствовала по-человечески. Вспоминала, как Аннет ей книжечки таскала по психологии и поддерживала всячески, пока с Гансом крутила.

Погода была хорошая.

Резко заболел зуб. Ленка удивилась.

Йогой ведь занималась с утра, что еще за боли? Но делать нечего: надо к стоматологу. Решение она уже давно приняла, но медлила с исполнением. Повода не было, а нужен ли? Ой! Была не была! Позвонила в дверь. Частный праксис херра Блау. Да-да, очень срочно, ужасно болит зуб. Да-да, знаю, что без договоренности, готова ждать. Ожидание того стоило. Доктор оказался ничего. Красивый, несчастный, зря его Аннет не ценила. Заплатил за кофе, вроде как не жмот. А как дочку любит!

Не прошло и месяца как Ленка пила водку и закусывала соевым огурчиком на кухне уже не с Аннет, а с доктором Блау.

Хороший он оказался, рукастый, и цветы любит, как она, и на Таро погадать просит, перед тем как нужно сдавать отчет за квартал или идти в налоговую.

Но все равно как-то грустно Ленке.

Может, оттого, что когда звонит Аннет, а он сидит на кухне и уплетает за обе щеки ее ватрушки, ей нельзя подавать голос.

Может, оттого, что когда их видят общие знакомые в ресторане, доктор несносно тушует, так же, как когда она заказывает пиво, а ей все никак не удастся гортанная «рр».

Может, оттого, что не наполнишь густую затянувшуюся паузу цитатой из «Бриллиантовой руки» или анекдотом о евреях и немцах.

Может, оттого что плевать ей, в сущности, на херра Блау, и на Ганса ей плевать, и даже на дом этот треклятый в богом забытом городе, с недостроенным фасадом, с большим садом, с намеком на спокойную старость, приятное угасание, цветочную скуку...

А на Аннет ей не плевать.

Аннет ее понимает.

Германия

